

СПЕЦИФИКА ПРЕЛОМЛЕНИЯ АНТИУТОПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ТРИЛОГИИ С. СНЕГОВА «ЛЮДИ КАК БОГИ»

О. Ю. Осьмухина, Д. Р. Ахметова

*Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева*

Поступила в редакцию 19 декабря 2024 г.

Аннотация: статья посвящена анализу трилогии С. Снегова «Люди как боги» в жанровом аспекте. Авторы статьи впервые выявляют специфику преломления антиутопической традиции в ней и приходят к выводу о том, что трилогия представляет собой утопию «в прогрессе», в которой изображен вымышленный топос, антиутопические элементы наиболее явно проявляются в третьей части: ключевыми становятся конфликт человека и государства, в котором личность проигрывает; мотивы эсхатологии; приемы абсурдизации реальности.

Ключевые слова: научная фантастика, научно-фантастический роман, утопия, антиутопия, трилогия Сергея Снегова.

Abstract: the article is devoted to the analysis of S. Snegov's trilogy "People as Gods" in the genre aspect. The authors of the article for the first time reveal the specifics of refraction of anti-utopian tradition in it and come to the conclusion that the trilogy is a utopia "in progress", in which the fictional topos is depicted in it. The anti-utopian elements are most clearly manifested in the third part: the key are the conflict of man and the state, in which the personality loses; motives of eschatology; methods of absurdization of reality.

Keywords: science fiction, science fiction novel, utopia, dystopia, trilogy by Sergey Snegov.

Общеизвестно, что существенные сдвиги социокультурного сознания в условиях принципиально изменившейся реальности XX столетия наиболее явно воплотились в жанре антиутопии, который отразил не только кризисное мироощущение индустриального и постиндустриального общества, но и глобальные вопросы человеческого бытия [1–8]. Антиутопическая традиция, преломляющаяся в произведениях западных и отечественных science fiction, в настоящее время рассматривается многогранно и многоаспектно, достаточно вспомнить работы Е. В. Бороды, М. В. Варечкиной и И. М. Жеребятевой [9], Д. В. Бугрова [10], И. Ю. Извековой [6], У Овчеренко [11], О. Ю. Осьмухиной и Р. И. Максинаева [8] и т.д. Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмыслить преломление антиутопической традиции в отечественной прозе на материале конкретной писательской практики, что позволит существенно дополнить картину литературного процесса второй половины XX века. На наш взгляд, весьма примечателен в связи с этим не столько анализ произведений, относящихся к антиутопии «в чистом виде», сколько выявление ее жанровых свойств в научно-фантастическом романе, который представляет собой синтетическую структуру, органично сочетающую элементы мифа и сказки, утопии и антиутопии, фи-

лософского и интеллектуального, альтернативной истории и приключенческого романов.

Материалом статьи послужила научно-фантастическая трилогия С. Снегова, продолжающая антиутопическую традицию.

Ключевыми методами нашего исследования явились, во-первых, метод целостного анализа художественного произведения, благодаря которому трилогия С. Снегова рассматривается в единстве ее поэтики и проблематики; во-вторых, сравнительно-исторический метод, который позволил осмыслить романы, входящие в состав трилогии, в диахроническом аспекте.

Теоретическую базу статьи составили работы, анализирующие антиутопическую традицию [1–12], а также статьи Н. Волгиной [13], В. Гильманова [14], Н. Жилиной и О. Рожина [15–16; 22], Н. Зверевой [17], Л. Мальцева [18–19], Р. Минаковой [20], А. Пахомова [21], посвященные изучению отдельных особенностей творчества С. Снегова.

Практическая значимость статьи состоит в том, что ее материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовском курсе истории русской литературы XX века, спецкурсах, посвященных творчеству С. Снегова.

Напомним, что изучение антиутопии, специфики преломления антиутопической традиции становится одним из приоритетных направлений в отечественном литературоведении начиная с конца XX столе-

тия. Отечественная традиция, по мнению некоторых исследователей [19], отсылает еще к Ф. М. Достоевскому и его «Великому инквизитору» из «Братьев Карамазовых» и «Сну смешного человека». Однако, говоря о первых опытах антиутопии, обратиться стоит к началу XX века. Как отмечает Х. С. Дзаурова, «утопические произведения <...> предполагали возможную связь между правом человека жить достойной жизнью — и его радикальным изменением», «подобная двойственность утопии в контексте ценностей гуманизма и легла в основу антиутопического сознания» [4, 66]. Это касается, к примеру, романа Е. Замятина «Мы», мотивика и тематика которого воплотились и в романе «О дивный новый мир» О. Хаксли, и в «1984» Дж. Оруэлла, и во многих более поздних антиутопиях [1; 4–12]. Особое место в этом ряду занимает трилогия Сергея Снегова «Люди как боги», состоящая из романов «Галактическая разведка» (1966), «Вторжение в Персей» (1968) и «Кольцо обратного времени» (1977), в которых, по мере развития сюжета, общая тональность повествования отчетливо меняется, антиутопические же элементы высвечиваются все ярственнее.

«Галактическая разведка» в основном повествует об относительно мирном состоянии Солнечной системы, поэтому в светлом, цветущем мире антиутопические элементы менее выражены. Среди них — технологизация многих элементов жизни, вмешательство в бытовую сферу искусственного интеллекта. Это прежде всего БАМ (Большая Академическая (или Государственная) Машина), которая руководствуется холодной математической логикой в принятии даже моральных решений, Охранительница (которая постоянно незримо присутствует в жизни людей на Земле, следит за их безопасностью и здоровьем. Кроме того, мир Снегова, где люди питаются синтетической пищей, сродни прозрачному, математически выверенному миру замятинского Единого Государства, населен парами, которые с помощью технологий способны высчитать совместимость своих характеров в процентах, для еще нерожденных детей составляются генетические гороскопы, согласно которым родители могут со всей очевидностью определить, как ребенок будет выглядеть и какими способностями будет обладать. Все эти подробности абсурдизации реальности весьма симптоматичны, поскольку отсылают и к еврике «О дивного нового мира» Хаксли, и к «1984» Дж. Оруэлла с его атмосферой тотальной слежки. При этом у Снегова в первой части трилогии человечество все-таки — сила не пассивная, но самостоятельно определяющая собственный путь: БАМ, когда ее вывод об отказе в помощи другим разумным видам, соответствующий принципу «Общество живет для блага человека — каждому по его потребностям» [23, 95], противоречит мнению большинства, просто перепрограммируют — «Каждому по его потребностям» [23, 95]. Охранительницы, имея пря-

мой доступ в человеческий разум («Охранительница обычно разговаривает приятным женским голосом, реже — ворчливым тенорком старичка, еще реже — просто зажигает в мозгу свои ответы. <...> В мозгу замерцала холодная зеленоватая надпись: “Нетактично. Не передаю Справочной”» [23, 43–44]; «Твой проект переоборудования Земли в главное ухо, голос и глаз космоса принят. <...> Ты прогуливался над планетой, а Охранительница фиксировала твои мысли. Они оказались настолько важными, что она немедленно передала их на Землю... <...> Ты лишь усаживался на Плутоне в звездолет, а люди уж спорили, прав ты или не прав» [23, 189]), не стремятся докладывать о вольнодумстве в какой-то карательный орган, но лишь помогают оперативнее работать с информацией и следят за безопасностью; вычисленная электронно совместимость никак не воспрещает людям заводить отношения так, как велит им сердце: «Справочная объявила, что мы подходим друг другу всего на тридцать девять процентов. <...> Соединиться, имея прогноз, что брак будет неудачен! <...> Мы опять запросили Справочную — и что же? Взаимная наша пригодность составляла теперь семьдесят четыре процента! <...> Нам стало легче, но не очень. Ты напрасно улыбаешься. Пригоден я для Жанны или не пригоден, я не хочу ее терять» [23, 26–27]. В отличие от антиутопий классических персонажи трилогии С. Снегова имеют свободу выбора, по крайней мере, в чувствах, которым не способен противостоять даже техногенный мир, пытающийся системой контроля «улучшить» человеческую жизнь, сделать ее «комфортной».

Во второй части — «Вторжении в Персей» — тон повествования меняется. Главные герои совершают путешествие к планетам, находящимся под властью разрушителей, чья цивилизация изображается как антиутопическая — раса, что, по меткому замечанию главного героя Эли «деградировала до механизмов» [23, 131]: «Живая ткань переплеталась с искусственной, одно продолжало другое: из кости вытягивался провод, на конденсаторе виднелись нервы и волокна мяса» [23, 131]. Этот мир управляется Великим, или Верховным разрушителем, мрачным тираном, воспевающим тотальную деструкцию как философию: «В мире существует один реальный процесс — разрушение, нивелирование, стирание высот. И мы своей разумной деятельностью способствуем ускорению этого стихийного процесса» [23, 285].

Жители здесь делятся на «сорта», где естественное, природное происхождение — недостаток. Миры же этих созданий мертвые, безжизненные, управляются они с помощью Мозга, отделенного от тела и в котором искусственно поддерживают жизнь: «Главный Мозг — плебейского естественного происхождения. Его вынули у ребенка, искусственно развили в питательной среде» [23, 365], «А посередине зала, между полом и потолком, тихо реял полу-

прозрачный шар <...> в шаре плавал Главный Мозг Станции...» [23, 366]. Однако и в этот раз герои не позволяют антиутопии развернуться полностью: они поддерживают сопротивление разрушителей, дают им возможность «переквалифицироваться» в мирное русло, превращая разрушителей в демиургов [23, 429], а пострадавший от жестокой цивилизации разумный Мозг получает тело дракона и собственное имя Бродяга [23, 373]. Нужно отметить и то, что во второй части трилогии уже окончательно формируется способ борьбы развитого человечества, которое презентует Эли Гамазин. Это отнюдь не вооруженное свержение злой тирании, но философский диспут, словесная дуэль идеологий. Таким образом происходит противостояние Эли и с его товарищем и зачастую оппонентом Павлом Ромеро, воплощающим «старую» идею индивидуализма на уровне «человечество против иных разумных», и с Верховным разрушителем, и с нестареющими галактами, которых сковывает страх перед смертью. Тот же способ конфронтации, кстати, воплощен и в последней части.

Завершающая часть трилогии, пожалуй, наиболее мрачная: многие персонажи погибают, сама угроза, с которой сталкиваются герои в этот раз, более абстрактна, непознаваема и вызывает ассоциации с обезличенным злом, действующим в классических антиутопиях: это не персонифицированные злодеи, но всепроникающие системы, институты, идеи, подавляющие свободу и индивидуальность, манипулирующие общественным сознанием и подавляющие инакомыслие (к примеру, тоталитарное государство в «1984» Дж. Оруэлла или в «Мы» Е. Замятина; машинные технологии, уничтожающие книги и знания как очаги свободы человеческого духа в «451 градусе по Фаренгейту» Р. Брэдбери; лишенный индивидуальной морали и сострадания бесчеловечный механизм системы правосудия в «Заводном апельсине» Э. Бёрджесса; дегуманизированная массовая культура и конформизм в «О дивном новом мире» О. Хаксли). В «Кольце обратного времени» С. Снегова обезличенное зло также становится абстрактной силой, скрывающейся за фасадом идеологии, технологии и лишаящей индивида свободы выбора и человеческого достоинства. Это касается вырождающейся цивилизации аранов, которые когда-то были способны к космическим путешествиям, а сейчас состоят из двух противоборствующих сект отвергателей и ускорителей конца, что поклоняются Жестоким богам, на деле — механизмам, электрическому сердцу планеты, «питающему электрических жителей планеты» [23, 498]. Безусловно, и здесь герои, в конечном итоге, перенастраивают механизмы и предотвращают жестокие жертвоприношения среди жителей, хотя и ценой потери одного товарища из экипажа. Равно как и в антиутопии, отдельная жизнь здесь не играет никакой роли, жизнь персонажей подчинена достижению общей цели, пусть и благой.

Подчеркнем, что третья часть трилогии пронизана гнетущим ожиданием надвигающейся катастрофы. Так, большинство событий здесь происходит в декорациях Гибнущих миров, области надвигающейся энтропии и развивающегося «рака времени»: «Вокруг смутно проступал, темно вырисовывался тоскливый пейзаж: вечные багровые сумерки, пыль в космосе, чудовищно искаженные силуэты светил. Звезды были так близко одна от другой, что в нормальном просторе на небе сияли бы четыреста солнц и нигде не было бы чередования дня и ночи. Но солнц не было: их сияние еле-еле проникало сквозь глухую мглу» [23, 478]. На наш взгляд, это описание вполне сопоставимо с унылым космическим пейзажем из «Обитаемого острова» бр. Стругацких, на который, вполне вероятно, ориентировался С. Снегов (особенно если учесть, что «Обитаемый остров» также является частью «Трилогии Каммерера»): «Небо здесь было низкое и какое-то твердое, без этой легкомысленной прозрачности, намекающей на бездонность космоса и множественность обитаемых миров <...>. Воздух был горячий и густой, пахло пылью, старым железом, раздавленной зеленью, жизнью. Смертью тоже пахло, давней и непонятной. Трава была по пояс; неподалеку темнели заросли кустарника, торчали кое-как унылые кривоватые деревья. Было почти светло, как в яркую лунную ночь на Земле, но не было лунных теней и не было лунной туманной голубизны. Все было серое, пыльное, плоское» [24, 7]. Образы запустения, омертвевшей, безжизненной природы становятся устойчивыми для третьей части и зеркально отражают тягостную и гнетущую атмосферу.

Общее настроение упадка дополняет и то, что угроза расы рамиров незрима, герои могут лишь догадываться о специфике их мышления, намерениях и жизненной философии. Эли делает предположение, что рамиры — в принципе, лишь «мыслящая мертвая материя» [23, 633], «устойчивость мира, его сохранение, его защита от катастрофы в горниле разыгравшихся стихий», «инерция мира, вечное равновесие его законов» [23, 634], перед которым человек — лишь песчинка в отлаженном механизме, что само по себе, пожалуй, худший диктатор, нежели злой тиран или бездушная машина. Однако «Кольцо обратного времени» все же сохранило за человечеством ту же гуманистическую политику решения проблем, и трилогия завершается, давая и героям, и читателю надежду. Эли, равно как и всех оппонентов ранее (Ромеро, разрушителей и даже незримых рамиров), вновь побеждает — прежде всего в философском диспуте, объявляя людей неумолимой стихией прогресса.

Таким образом, в научно-фантастической трилогии С. Снегова антиутопическая традиция, лишь намеченная в первой части, наиболее отчетливо преломляется в третьем романе, что закономерно: третья часть написана спустя одиннадцать лет

после «Галактической разведки» и со всей очевидностью отражает эволюцию авторского мировоззрения. Учитывая концептуальную идею Б. Ланина о том, что «антиутопия смотрит в утопию с горькой насмешкой. Утопия же не смотрит в ее сторону, вообще не смотрит, ибо она видит только себя и увлечена только собой» [7,

59], можно предположить, что С. Снегов в «Людах и богах» изображает своеобразную утопию «в прогрессе», где человечество лишь находится в движении к «светлому будущему», преодолевая те элементы тоталитарного дискурса, с которыми неизбежно сталкивается на иных планетах во Вселенной. Писатель изображает обратную сторону прогресса, рисуя неприглядные стороны антиутопического социума, порабощенного искусственными электронными системами, но при этом герои не становятся жертвами манипулятивной политики абстрактного, всепоглощающего зла, не применяют силу для его искоренения, но стремятся изменить мир «со знаком минус» транслированием гуманистических ценностей и посредством интеллектуальных поединков с оппонентами. Если антиутопия — это мрачный прогноз будущего, роман-предупреждение, то в трилогии С. Снегова герои готовы с этим мрачным будущим справиться, стойко придерживаясь моральных убеждений и сохраняя лучшие свои человеческие качества.

Перспективой нашего исследования может стать, с одной стороны, анализ обширного пласта художественных произведений, относящихся сугубо к антиутопической традиции последующих десятилетий («Кысь» Т. Толстой, «День опричника» и «Сахарный Кремль» В. Сорокина, «2017» О. Славниковой, «Метро 2033» Д. Глуховского, «Центр тяжести» и «Кадавры» А. Поляринова), а с другой — изучение специфики воплощения антиутопического компонента в контексте научно-фантастической прозы (к примеру, в произведениях А. и Б. Стругацких, А. Громова и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX — начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: дис. ... д-ра филол. н. / А. Н. Воробьева. — Самара, 2009. — 528 с.
2. Громова А. Г. Двойной лик грядущего: Заметки о современной утопии / А. Г. Громова // Альманах науч. фантастики. Вып. 1. — М.: Знание, 1964. — С. 270–309.
3. Клэйс Г. Замятин и антиутопия / Г. Клэйс // Утопические проекты в истории культуры: материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «(Не)возможные миры: настоящее и будущее в зеркале антиутопии» / Южный федеральный университет; [редкол.: Т. С. Паниотова (отв. ред.) и др.]. — Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. — С. 3–13.
4. Дзаурова Х. С. Становление жанра «антиутопия» в русской литературе 20 века / С. Г. Долженко // Вестник

науки и образования. — 2016. — № 12 (24). — С. 66–67.

5. Долженко С. Г. К вопросу о западных исследованиях влияния «Мы» Е. Замятина на английские романы-антиутопии / С. Г. Долженко // Международный научно-исследовательский журнал. — 2013. — № 4–2 (11). — С. 79–80.
6. Извекова И. Ю. Развитие антиутопической традиции в современной русской литературе конца XX — начала XXI века / И. Ю. Извекова // Восточнославянская филология. Литературоведение. — 2018. — № 6 (30). — С. 155–160.
7. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии / Б. А. Ланин // Общественные науки и современность. — 1993. — № 5. — С. 154–163.
8. Осьмухина О. Ю. Специфика преломления антиутопической традиции в повести Юза Алешковского «Николай Николаевич» / О. Ю. Осьмухина, Р. И. Максинаев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — № 6. — С. 1672–1677.
9. Борода Е. В., Варечкина М. В., Жеребятёва И. М. Образ сверхчеловека в отечественной литературе XX века: Инквизитор, Благодетель, Прогрессор / Е. В. Борода, М. В. Варечкина, И. М. Жеребятёва // Последние тенденции в области науки и образования. — 2021. — С. 39–44.
10. Бугров Д. В. Эволюция русской социокультурной утопии в контексте генезиса консервативной идеи (1830–1840-е гг.) / Д. В. Бугров // Уральский исторический вестник. — 2009. — № 1 (22). — С. 4–15.
11. Овчеренко У. Традиции жанра антиутопии в романе Д. Накипова «Круг пепла. Роман интенций» / У. Овчеренко // Мир науки, культуры, образования. — 2021. — № 1 (86). — С. 437–439.
12. Долженко С. Г. К вопросу о западных исследованиях влияния «Мы» Е. Замятина на английские романы-антиутопии / С. Г. Долженко // Международный научно-исследовательский журнал. — 2013. — № 4–2 (11). — С. 79–80.
13. Волгина Н. Об авторе и его книгах / Н. Волгина // Снегов С. Дом с привидениями. — Калининград: Кн. изд-во, 1989. — С. 413–414.
14. Гильманов В. Х. Интегральное исчисление судьбы и творчества С. А. Снегова / В. Х. Гильманов // Феномен Сергея Снегова: стратегии гуманизма: мат-лы научно-практ. конф., 28 октября 2016 г., Калинингр. обл. науч. б-ка Центр регионоведения. — Калининград, 2016. — С. 8–23.
15. Жилина Н. П., Рожин О. В. Дитя «не от мира сего» в романе С. Снегова «Люди как боги» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2020. — № 2. — С. 53–60.
16. Жилина Н. П., Рожин О. В. Евангельские реминисценции в научно-фантастическом романе С. Снегова «Люди как боги» / Н. П. Жилина, О. В. Рожин // Проблемы исторической поэтики. — 2023. — Т. 21, № 1. — С. 257–254.
17. Зверева Н. Утверждая гуманизм: (об авт. и его книгах) / Н. Зверева // Снегов С. А. Люди как боги: науч.-фантаст. роман. — М., 1986. — С. 601–606.
18. Мальцев Л. А. Историософские идеи творчества С. А. Снегова / Л. А. Мальцев // Феномен Сергея Снегова: стратегии гуманизма: мат-лы науч.-практ. конф. 28 октября 2016 г., Мин-во культуры Калинингр. обл., Калинингр.

обл. науч. б-ка. Центр регионоведения. — Калининград, 2016. — С. 42–54.

19. Мальцев Л. А. Сергей Снегов и Густав Герлинг-Грудзинский: калининградский контекст книги «Иной мир» / Л. А. Мальцев // Память vs история. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы. — Москва: Институт славяноведения РАН, 2019. — С. 302–312.

20. Минакова Р. Д. Исторический и биографический контекст научно-фантастического романа Сергея Снегова «Люди как боги» / Р. Д. Минакова // Феномен Сергея Снегова: стратегии гуманизма: мат-лы науч.-практ. конф. 28 октября 2016 г. Мин-во культуры Калинингр. обл., Ка-

линингр. обл. науч. б-ка. Центр регионоведения. — Калининград, 2016. — С. 29–41.

21. Пахомов А. Г. Сергей Снегов и его миражи / А. Г. Пахомов // Нева. — 2020. — № 9. — С. 218–223.

22. Рожин В. О. Научно-фантастический мир С. А. Снегова: поэтика и аксиология: дис. ... канд. филол. наук / Рожин В. О. — Калининград, 2023. — 211 с.

23. Снегов С. Люди как боги / С. Снегов. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 640 с. (Мир фантастики).

24. Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. — М.: Дет. лит., 1971. — 320 с. (Библиотека приключений и научной фантастики).

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

*Осьмухина О. Ю., доктор филологических наук, профессор
E-mail: osmukhina@inbox.ru*

*Ахметова Д. Р., соискатель
E-mail: ahmetovadr29@yandex.ru*

*National Research Ogarev Mordovia State University
Osmukhina O. Yu., Doctor of Philology, Professor
E-mail: osmukhina@inbox.ru*

*Akhmetova D. R., degree candidate
E-mail: ahmetovadr29@yandex.ru*